

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ**

**Издательство
Казанского университета
2007**

УДК 82.09: 82

ББК 83.3

С 38

Редакционная коллегия: профессор *О.О. Несмелова*, доцент *Л.Е. Бушканец*, доцент *М.А. Козырева*, доцент *В.Б. Шамина*.

Рецензенты:

А.Ф. Галимуллина, доцент каф. рус. и заруб. лит. ТГГПУ, канд. пед. наук;

Р.Ф. Мухаметцина, доцент каф. рус. и заруб. лит. ТГГПУ, канд. пед. наук

С 38 **Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции (3-6 мая 2006 г.).** — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. — 488 с.

ISBN 5-7464-1436-0

Сборник подготовлен по материалам международной научной конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве», проведенной кафедрами зарубежной и русской литературы в мае 2006 года.

Адресован в первую очередь филологам, а также преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

ISBN 5-7464-1436-0

© Издательство Казанского
университета, 2007

Таким образом, очевидно, что, размышляя о том, как соотносятся реальность и мемуарная проза, нельзя останавливаться на одном каком-то мемуарном сочинении, необходимо брать *круг* произведений – его размеры определяются задачами, стоящими перед исследователем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дружников Ю. Я родился в очереди/Ю. Дружников. - М.: Издательский дом «Хроникер», 2002.
2. Жолковский А. Мемуарные виньетки и другие non-fictions/А. Жолковский. – СПб., 2000.
3. Кох А. Ящик водки/ А. Кох, И. Свиноаренко. - М.: Эксмо, 2004.
4. Лиснянская И. Хвастунья. Воспоминательная проза/И. Лиснянская. - М.: Вагриус, 2006.
5. Лосев Л. Собранное/Л. Лосев. - Екатеринбург: У-Фактория, 2000.

Л.М. Гапека, А.В. Лашкевич (Удмуртский ГУ)

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК КАК ЖАНР СУБ-ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИИ «DIARY» В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В конце 70-х гг. XX века в науках о культуре произошел сдвиг теоретико-методологической парадигмы, обусловленный, с одной стороны, внутренними особенностями развития самого гуманитарного знания, а, с другой – значительными переменами социально-культурного характера и глобальной перестройкой самой мировой культуры. С одной стороны, фундаментальному пересмотру подвергались сами истоки и основания западной культурной традиции, с другой – специфика научного познания искусства слова встала под сомнение вместе со способами ее дискурсивной репрезентации.

Определенная смена гносеологической парадигмы происходит и в мировом литературоведении и литературной критике, что обусловлено целым рядом как экстралитературных факторов, так и переменами в самом литературном процессе. Одним из следствий этого парадигматического сдвига явилось формирование новых областей гуманитарного знания (например, истории и теории межкультурных коммуникаций), а также пересмотр, иногда радикальный, понятийно-методологического аппарата, который к этому времени считался либо самоочевидным, либо вполне проясненным на идейно-теоретическом уровне и в пределах терминологического дискурса.

Так, например, для представителей неофеноменологического направления в литературоведении и литературной критике одной из наиболее проблемных точек стал вопрос о статусе художественного произведения, его специфике и критериях отличения в общем потоке словесности одних текстов (якобы имеющих особый эстетический характер), от других, этим характером не обладающих. Иными словами, в литературоведении вновь приобрел дискуссионную остроту вопрос о том, какие произведения (тексты) можно отнести к так называемой «серьезной», или высокой, литературе, а что к этому корпусу текстов отнесено быть не может.

Особую остроту в процессе смены литературоведческой парадигмы приобрели проблемы функционального подхода к истории литературы и литературному произведению. К концу 1980-х гг. под влиянием идей постструктурализма, деконструкции, рецептивной эстетики и других направлений западной неофеноменологии текста выявилась недостаточность методов традиционного академического компаративизма, «новой критики», мифопоэтики и психоанализа для всестороннего понимания литературных явлений, а также необходимость иного видения самого предмета литературоведения. Практически одновременно в Швейцарии, Западной и Восточной Германии, СССР, Франции, Великобритании и США началось переосмысление литературного процесса на новых основаниях - как комплекса социально-культурных феноменов, в котором находят свое выражение не только персональные авторские художественные интенции и общеэстетические категории искусства, но и явления иного порядка - архивы и эпистемологии, культурные стереотипы и идеологии, образы, концепты и смыслы, в которых раскрываются как национально-культурные традиции, так и личные отношения людей в пределах общей парадигмы эпохи [1].

В рамках феноменологии текста возникла тенденция рассматривать литературное произведение как встречу различных культурных сознаний, а литературный процесс - как взаимодействие традиций и новаторства в понимании культуры. Рецептивная эстетика в различных национальных вариантах (США, Германия, Россия) восприняла концепцию «интертекстуальности», выдвинутую постструктурализмом, как стимул к формированию новой эпистемологии, которая неизбежно включала в себя особый когнитивный концепт - *читателя* как полноправного участника (субъекта) литературных отношений на всех уровнях - от поэтики отдельного произведения до литературного сознания нации и эпохи. В связи с этим возникла необходимость переос-

мысления самого понятия «художественности» текста и произведения, а также конфигурации литературного процесса как взаимодействия художественных эпох, творческих методов, литературных направлений, стилей, жанров и других уровней поэтики. Таким образом, в пределы внимания историка литературы попали формы дискурса, которые ранее считались маргинальными, вспомогательными либо дополнительными при традиционном изучении художественной литературы в поэтике – *дневники, переписка, личные воспоминания*. Сформировались и особые области исследования этой «суб-литературы» – дайаристика, (от англ. *diary* – дневник, ежедневник), эпистолярика, мемуаристика. Кроме того, и традиционные литературно-художественные тексты были переосмыслены с точки зрения их значимости в процессах межкультурной коммуникации. Историки литературы нового поколения, овладев опытом феноменологии текста в ее различных вариантах (герменевтика, деконструкция, постструктурализм, рецептивная эстетика, неокультурология и др.), стали по-иному рассматривать свой основной предмет – текст, – включая его в новые контекстуальные связи и сочетания и находя в нем новые концептуальные и поэтические феномены [2].

Обновление литературоведческой теории и методологии позволило обратиться к более подробному и пристальному изучению таких, например, феноменов, как личный дневник, имеющий, несомненно, особый культурный статус, который был неправомерно редуцирован традиционной историей и теорией литературы к уровню вспомогательных текстов. Стало очевидно, что наука о литературе и ее основные разделы (теория и историческая поэтика) в парадигме классической культурологии уделяли внимание, так сказать, «верхним» этажам культурного процесса – философским, политическим, художественным, религиозным и научным дискурсам, оставляя без рассмотрения один из важнейших моментов процесса межкультурной коммуникации – персональную самоидентификацию, или выражение личного отношения к миру культуры на уровне интимного самоопределения – *личный дневник*.

Вопрос о дневнике как жанре словесности требует особого разговора, поскольку долгое время он не рассматривался как самостоятельное литературное произведение, имеющее особую природу, структуру и функцию. Дневник входил в корпус так называемых «вспомогательных», или ресурсных текстов, которые «сопровождают» собственно художественно-поэтическое творчество, но не имеют самостоятельного значения в качестве культурных сигнификантов.

В то же время дневник иногда рассматривался как один из художественных приемов, элемент поэтики произведения, который мог достигать даже уровня жанра, оставаясь при этом, однако, зависимым элементом литературного процесса и являясь, например, частью стилизации как общего авторского замысла. Наиболее яркие примеры дневника как приема стилизации: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка...» Д. Дефо, «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя и многие другие.

Как самостоятельная «единица» словесности, дневник легитимизировался лишь в случаях особо выдающихся писателей и общественных деятелей (дневники Байрона, А.С. Пушкина, Наполеона I и т.п.) В остальных случаях личный дневник в лучшем случае признавался как архивированный дискурс, чаще же – просто как вспомогательный источниковедческий ресурс для собственно литературоведческого исследования. В последнее время, однако, положение изменилось, прежде всего, из-за смены читательских вкусов и предпочтений (а, значит, и книгоиздательской политики), но во многом и благодаря усилиям различных направлений западной феноменологии текста (рецептивной эстетики, неопрагматизма, «нового историзма», нарратологии и неомифологии). Например, в современной поп-культуре дневники разного рода «звезд» и идиологов стали неременной частью «легкого чтения», вполне успешно замещая в своей гедонистической функции так называемую «серьезную» или «настоящую» литературу. Появились и специальные исследования дневниковых текстов – «дайаристика» (от англ. *diary* – ежедневник, дневник) и даже особая форма электронных сетевых он-лайн-дневников, которая, однако, скорее относится к области общественно-политической журналистики, нежели к нарративным жанрам литературы.

В целом представляется, однако, что проблема еще ждет своего исследования, особенно в контексте межкультурных коммуникаций, когда любой текст, независимо от его эстетической ценности, может выступать как культурный сигнификатор, включенный в общий диалогический круг культурного общения и сообщения.

Так, вполне перспективной исследовательской задачей может стать выявление роли и места литературного дневника в формировании культурного сознания нации в определенную эпоху. Исследуя природу, структуру и функцию литературного дневника как специфической формы дискурса, объединяющей в себе идеолого-риторическое концептуальное мышление и образно-поэтическую форму репрезентации, можно

составить более полное представление о характере культурной эпохи, о роли личности в мире реальных и фикциональных феноменов, о взаимодействии вымышленного и реально-субстанционального в различных культурных и субкультурных дискурсах.

Одним из аспектов общей проблематики теории и практики межкультурной коммуникации является проблема со-общения субкультурных дискурсов в ходе деконструкции культурного сознания нации. Проще говоря, наибольший интерес вызывают дневники, создаваемые в процессе социально-культурных сдвигов – революций, переворотов, войн – поскольку именно в них «просвечивает» традиция в действии – перевод одних культурных феноменов в другие в сфере сознания, когда Иное=Чужое о-сваивается через диалог и определенное преодоление Своего как привычного и знакомого. Именно личный дневник демонстрирует процесс движения культурной традиции на самом живом и действенном уровне – на уровне персонального понимания отношений мира и человека, с учетом всех культурных факторов и условий личного жизнеустройства и мировоззрения.

К примеру, анализ дневников образованных жителей американского Юга периода Гражданской войны и Реконструкции (в основном, это – дневники женщин) [3], показывает следующее. Дневник выступает как особый «дискурс персональности», в котором Чужое переводится в Свое через *деструкцию* традиции. Персональная рефлексия культурно-социальных феноменов ведет к о-Своению образа Иного в сфере личного эйдетического опыта. И именно в таком персональном пространстве дискурса функционирует традиция как перевод с одного культурного (или суб-культурного) языка на другой при помощи замещения риторических норм и культурно-языковых стереотипов. Традиция при этом действует как особый механизм, пропускающий через сознание индивида социально-культурную информацию и сохраняющий в архивах памяти продуктивные феномены межкультурного обмена – образы, характеры, поступки, портреты, пейзажи, события и идеи. Только став персональным достоянием отдельной личности, культура может о-существовать как традиция, и стать не просто коллекцией разрозненных фрагментов прошлого и настоящего, а целостной картиной мира. При этом внешняя, так называемая социально значимая, или исторически достоверная информация, проходит своего рода фильтрацию личностного характера – дискурс персональности четко делит информационный поток на «Мое» и «Чужое», и это деление не всегда совпадает с «научно установленными фактами» классической истории.

Неофеноменологический подход к дневниковым текстам показывает, что они, так же как и «произведения художественной литературы», обладают определенной фикциональной поэтикой. Эта поэтика не может быть исследована методами классического текстуального анализа, поскольку в ней выявляются специфические системно-структурные моменты, связанные с особенностями дискурса персональности. Однако на сегодняшний день, проанализировав ряд текстов эпохи Гражданской войны и Реконструкции, можно сказать, что в них выявляется целый набор как традиционных текстуальных стратегий (иронии, сарказма, комической негации, романтического гротеска), так и целый комплекс риторико-поэтических конструктов, которые не «вписываются» в привычные литературоведческие методики и дискурсы. Возможно, постфеноменологической истории литературы понадобится новый язык для описания текстов подобного рода, а также другой методологический инструментарий, который позволял бы объяснять эту специфическую поэтику с точки зрения контекстуальных внутри- и межкультурных связей. И здесь не обойтись без ревизии устоявшихся слов филологического и культуроведческого дискурсов, таких как «традиция», «новаторство», «стиль», «жанр», «художественное повествование» и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Рожновский С. Теория литературной коммуникации и практика исследования литературного процесса // Науман М. Сборник избранных работ. - М.: Радуга, 1984, С. 3 – 18; Уффельманн Д., Шрам К. Панорама современного немецкого литературоведения. Предисловие составителей // Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология. - СПб., 2001, С. 5 – 40; Русская литература в историко-функциональном освещении. - М.: изд-во «Наука», 1979.
2. Турк Х. «Обмануть... без обмана». Проблема литературной легитимации на примере творчества Кафки // Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология. - СПб., 2001, С. 314 – 341; Изер В. Акты вымысла, или что фиктивно в фикциональном тексте // Там же, С. 186 – 216; Марквард О. Искусство как антификция – опыт о превращении реального в фиктивное // Там же, С. 217 – 242.
3. *Antebellum America Culture. An Interpretive Anthology*. Ed. By David Brion Davis. Pennsylvania State University press, 496 pages; *Antebellum Literary Culture and the Evolution of American Magazines*. By Heather A. Haveman. Graduate School of Business, Columbia University, New York, 2004, 28 p.